

Аню разбудили в шесть утра – на час раньше обычного.

– Засоня моя, вставай, – шепнула бабушка ей на ушко.

– Не буду.

Она перевернулась на другой бок и ушла с головой в одеяло.

– Анечка, зверушки тебя ждут.

– Не хочу зверушек.

– А чего хочешь?

– Спать!

Когда в комнате появилась мама – с феном в одной руке и Анечкиным платицем в другой, – Аня ещё не проснулась.

– С кровати!

Дело пошло живее. Аню подняли, умыли, причесали. На кухне её усадили за стол и поставили тарелку манной каши.

– Анюта, поешь.

– Нет, – сказала Аня.

– Быстро съела! – отрезала мама и хлопнула по столу.

Аня задрала локти, взяла ложку и плюхнула её в тарелку. Кусок масла поплыл в жёлтой лужице. Обычно кашу едят с краю, однако Аня задумалась, зачерпнула с середины – и обожгла язык.

– Чё, собрались? – спросил папа.

Аня молчала.

– Так держать! – сказал он, дёрнув её за косичку. От папы пахло одеколоном и куревом.

Родители бегали вокруг неё, суетились. Примеряли туфельки, завязывали ленточки. Всё это время она стояла заспанная, недовольная. Её наряжали до половины восьмого.

– Теперь стихи, – потребовала мама.

Аня запнулась два раза. Бабушка поцеловала её в макушку, сказала «умница», дала украдкой батончик. В прихожей к ней подошёл Геркулес и лизнул по лицу.

– Уйди, – сказала Аня и отвернулась.

Вскоре они с мамой шли по морозной улице на остановку. Тёмные громады домов глядели квадратными глазами. Равнодушные фонари светили куда-то внутрь себя, а вовсе не на дорогу. Дворники шумно раскидывали упавший накануне снег.

– Мама, хочу домой.

– Рот закрой, – ответила мама.

Они ускорили шаг. Остановка. С грохотом подъехал трамвай. Аня долго смотрела на его странные, плоские, пупырчатые колёса, – пока мама не уволокла её в салон. Люди внутри говорили и говорили. Двери открывались и закрывались.

– Мама, дай мультик, – сказала Аня чуть слышно.

– Какой ещё мультик! – воскликнула мама. – Мы едем на ёлку.

Дети и взрослые собрались у ёлки пёстрой праздничной толпой. Людей в фойе становилось всё больше, а свободного места вокруг зелёной красавицы всё меньше. Заботило это, впрочем, одну лишь Валерию Николаевну – директора городского ТЮЗа, которая в жизни своей не видала такого чудесного утренника. Чайковский и «Простоквашино» летели из массивных колонок, пробуждая сказку, и даже Семён Семёныч – гармонист на пенсии – не переживал в ожидании номера, чувствуя себя бодрым как никогда.

Красные, зелёные, синие и белые шары искрились на пушистых

ветвях. Яркая мишура и дождик свешивались до пола, накрывая больше картонные коробки, облепленные широкими лентами. Ребята подходили к ним, старались поднять или сдвинуть, но ничего не получалось. Некоторые дети задумчиво ходили вокруг ёлки, стараясь не упустить ничего из виду – до тех пор, пока родители не отыскивали их и не возвращали на место.

– Это – конь, – говорила девочка Маша, разглядывая странного зверя, посаженного на нижнюю ветку.

– Если конь – то морской, – возражал мальчик Петя.

– А ты как думаешь? – спрашивали оба у красивой девочки в розовом платье. Та не отвечала.

Аня стояла молча, обводя тусклым взглядом смеющихся людей. Мальчишки-зайчики, девочки-белочки, блёстки, игрушки, Бэтмены, феи, мамы, папы, Валерия Николаевна, огромная красная звезда на верхушке, – ничто не привлекало её внимания.

От улыбки хмурый день светлей,

От улыбки в небе радуга проснётся...–

звенело в воздухе.

– Уважаемые друзья! – говорила Валерия Николаевна в микрофон.

– Просим вас отойти от ёлки. Дед Мороз на подходе.

Новость быстро облетела зал. Наступила тишина.

Послышались долгие, унылые звуки – была метель.

– Я Серый волк – зубами щёлк! – доложил дядя в костюме с хвостом.

– Волк! Волк! – закричали дети.

– Да, да, – отозвался Волк. – У-у, в лесу холодно-голодно! Хочу я Зайчишку-плутишку поймать. Он беленький, на снегу-то не видно... Ну ничего – по следам отыщу!

Хищник озлобленно рыскал под ёлкой, ерошил ветки, обнюхивал коробки – тщетно. Дети чутко следили за ним; какой-то мальчик даже заплакал.

– Зайка! Зайка! – обрадовались ребята, увидев тётю в белом. Тётя прыгала взад-вперёд, длинные заячьи уши прыгали вместе с ней.

– Я Зайка-зазнайка, – говорила тётя, голос её прерывался. – Заблудился в лесу. Друзей потерял...

– Ага! – крикнул Волк. – Попался! Ну, погоди...

Заиграла музыка. Дядя и тётя бегали друг за другом, пока тётя наконец не убежала. Дядя выскочил, вытаращив глаза, и спросил у ребят,

куда она делась.

– Туда! – ответили ребята дружно, показав налево.

– Правда?

– Да!

– У-у, держись!

Только девочка в розовом платье показывала направо.

– Нет, не туда! – кричала она убежавшему Волку. – Вернись!

– Аня, – одёрнула её мама. – Утомонись.

Вскоре Заяц увидел Снегурочку.

– Ой-ой-ой, помогите! – кричал он звонко и жалобно.

– Что такое? – спросила красивая, стройная девушка в серебряном костюме.

– За мной Волк гонится, – плакал Заяц. – Хочет меня съесть!

– Ай-ай-ай, – пожалела его Снегурочка. – Ну-ка, дети, давайте поможем Зайке – позовём Дедушку Мороза. Раз-два-три! ДЕДУШКА МОРОЗ! Ещё раз!..

– ДЕДУШКА МОРОЗ! ДЕДУШКА МОРОЗ! – повторяли дети снова и снова.

– Ох, молодцы! – повсюду разнёсся добрый могучий голос. – Здравствуйте, здравствуйте! Ну, что случилось?

– Здравствуй, Дедушка, – сказала Снегурочка. – Зайку нашего Волк обижает!

– Как-так? – нахмурился Дед Мороз. – Нехорошо, внучка. А!.. Вот он – злодей!

Волк выбежал навстречу компании и остановился, как вкопанный.

– Ну что, ребята, – сказал Дед Мороз. – Как нам быть?

– Прогнать! – крикнул Петя.

– Наказать! – крикнула Маша.

– Мясa дать!

Дед Мороз вскинул бровь. Снегурочка сверкнула жемчужной улыбкой.

– Аня, ты чё творишь? – зашипела мама.

Аня умолкла, однако глаза её заблестели от волнения – появление Деда Мороза разбудило в ней живой интерес.

– Ребята, – сказала Снегурочка. – Давайте простим Волка. Он злой, потому что замерз.

– У-у, замёрз, – подтвердил Волк.

– Хорошо, – согласился Дедушка Мороз. – Ступай ко мне в терем, Волк – зубами щёлк! Помощники мои – медведи белые – тебя конфетами

накормят. Дадут валенки, чтоб ноги не мёрзли.

– Спасибо тебе, Дед Мороз! – сказал Волк. – Не стану я больше зайчиков обижать.

– Молодец.

Ребята дружно проводили Волка и приготовились водить хоровод. Свет погас, огни на ёлке зажглись, как по волшебству. Посох Деда Мороза таинственно замерцал, Снегурочкин наряд вспыхнул миллионами звёзд.

– Ну что, внучка, – сказал Дед Мороз, – смотри, сколько ребят-звезят собралось у нашей ёлочки. Давайте-ка споем ей песенку, чтобы она не грустила!

В лесу родилась ёлочка,

В лесу она росла,

Зимой и летом...–

затянули хором все, кто мог, под аккомпанемент Семёна Семёныча. Дед Мороз со Снегурочкой тоже встали в хоровод с мамами, папами, бабушками, дедушками, Валерией Николаевной и представителями местной администрации. Взрослые, видя детей, замороженных сказкой, сами возвращались в далёкое детство.

Наступило время раздачи подарков. Дед Мороз, по обыкновению, начал издалека:

– Ну что, детки, замёрзли?

– Нет, не замёрзли!

– Правда? Что-то не верится... Ну-ка, покажите мне свои ручки!

Ребята послушно вытянули ладошки; лесной волшебник убыстрил шаг и вскоре едва ли не побежал по кругу, стараясь задеть посохом тех, кто не успевал их убрать. Набралось человек семь.

– Вот это да! – удивился Дед Мороз. – Сколько детишек замёрзло...

– Дедушка, давай их согреем.

– Давай, внучка.

– Повторяйте за мной!

После танца маленьких утят детям предложили почитать стихи. Начала Маша:

Наша Таня громко плачет:

Уронила в речку мячик...

Дед Мороз, весьма довольный, подарил Маше плюшевого медведя, ёлочную игрушку и пакет с конфетами, перевязанный золотой ниточкой. Следующей по очереди была Аня, однако стихи свои она не помнила,

поэтому ей досталась простая кукла в прозрачной коробке, вынутая из большого мешка. Аня никому не сказала «спасибо», но этого не заметили, поскольку Петя – громко и отчётливо, без единой запинки – читал «Бородино».

– Какой молодец! – похвалили Петю, наградив его детским планшетом.

Аня поглядела налево, поглядела направо, кинула гневный взгляд на Деда Мороза, затем на маму – и залилась горячими, отчаянными слезами.

– Что такое, Анечка? – улынулась Снегурочка, подбежав к ней. Её синие, искрящиеся глаза были такими большими и добрыми.

– Я хочу... я х-хочу... – с трудом говорила Аня, – ме-медвежонка...

Медвежонка!

– Медвежонок – мой! – заявила Маша, почуяв неладное.

– Дай! – крикнула Аня. – Дай мне!

– Анюта, лапочка моя, – сказала Снегурочка. – Маша заслужила.

Она – хорошая девочка. Ты тоже умница. Такая у тебя кукла – смотри, какая красивая!

– Не хочу куклу, – ревела Аня. – Хочу медвежонка!

Она заливалась вовсю. К делу привлекли уже Валерию Николаевну, имевшую опыт в подобных вопросах. Чужие мамы подходили тоже. Все они спрашивали Аню, почему она плачет, но Аня не могла говорить.

– Нет у нас медвежат, – говорила спокойно Валерия Николаевна. – Хочешь, найдём тебе зайца?

– Нет!

– Так, это что такое! – возмутилась мама, тряхнув её за руку. – Ну-ка, пошли!

– Отстань!

Мама со Снегурочкой и Валерией Николаевной отпрянули, как ошпаренные. Музыка стала тише.

– Это кто у нас тут? – спросил, подойдя, Дед Мороз. – Чем это мы недовольны?

Аня подняла красное, мокрое, несчастное лицо и тихо сказала:

– Дай медвежонка.

– Будет тебе медвежонок, Анюта. Только потом.

Аня опустила глаза.

– Ты – не Дед Мороз!

– ЧТО?!

Дед Мороз приблизился к ней – и Аня тут же почувствовала страшный холод. Ветер дул отовсюду – сильнее и сильнее. Бородатое, суровое

лицо Дедушки медленно исчезало в снеговом вихре. Аня видела зимний лес: сосны, шумящие под порывистым ветром, ели в сугробах. Воздух темнел, синел. Всё пропадало из виду.

– Аня!.. Аня!.. – неслось то с одной стороны, то с другой, то из глубины леса. – Аня-я!..

Аня увидела свои глаза и своё лицо. Она видела их поверх метели, проносящейся через лес. Желтоватое, мутное отражение на толстом заиндевелом стекле.

– Аня, там в третьё кипяток просят. Ты с ними это – не церемонься. В купе бардак... Ань, ты чё?

– Да ничё. Мрак какой-то.

Аня докурила, закрыла окно и пошла допивать чай.

Окурок покружил, помелькал красной точкой – и скрылся в белёсой мгле.

БЛЕСТЯШКА

Рассказ

Кто я? Я – сорока обыкновенная. Тр-рики-тик! Вот я хожу по земле, собираю веточки. Тр-рака-так! Вон я – сижу на дереве. Ветер качает меня. Трак-трак! Дерево – большое качало. Шумное, беспокойное. Тирри-так! Чаше – тихое, дрёмное. Хорошо быть качалом. Высоким, старым. Тр-рики-так! А ещё лучше вить на нём гнезда. Тр-рик!

Я красавица неопиcуемая. Спинка чёрная, крылья синие, хвост – зелёный. Тар-рак! Летаю я быстро, смотрю далеко. Тарри-так! Когти хваткие, клюв острый, изящный. Когда падает снег (это – мертвые перья), и становится холодно, я ловлю побегушек-мышей, ковыряюсь в их норках. А когда потеплеет – залезу в траву и кустарник за кислой ползушкой. Тиррик!

Мои сёстры и братья не любят меня. Почему? Тар-ра-рак! Бестолковая страшно. Тра-ак! Вот я в поле. Жёлтая, лохматая стерня прячет меня. За пригорком – клювастые, злые. Карр-карр! Улетят – мне кусочек достанется. Тр-рик. А по сытным местам мои родичи. Гонят взашей: мол, блестяшку найди да Царю отнеси. Позовём тебя в племя сорочье. Тир-рак! А мне где её взять? Тут сноровка нужна. Тар-ри-рак!

А за полем – Большое Огнище. Вот я думаю: мне, тар-ра-рик! поглядеть, нет ли там, где никто не бывал, заваливающей блестяшки – или в сторону лучше податься, где двуножки в молчальнях из камня и глины? Так-тарри-тарра-рак! Посмотреть на меня: что за странная птица?

Люди видят меня на окраинах городов. В деревнях я дразню собак и пугаю коров, ворую объедки. На кладбищах я – частая гостья. Тирри-тики-таррак! Я лечу – как плыву – до молчальни, сажусь на ветку уснувшего тополя. За окном меня видит рисующий мальчик. Вот он водит своей пяти-палкой по белой шуршалке. Та-ак-тар-рак! Видала такое. Шуршалка – из древесного праха, а стол – из древесных костей. Мальчик смотрит и улыбается. Я скачу по ветке туда-сюда, вся такая нарядная. Р-раки-таки-тир-р-рик! Открой мне окошко. Вон я вижу блестяшку. Открой – я влечу-улечу. Тар-ри-рак! Мальчик уже поднялся. Panie, panie, nie idź. Przeziębisz się. Ah!.. Widzę!.. Sroka to czarownica, panie. Nie idź. Помолчала б! Сама ты колдунья. Тир-ри-тик-тарри-рак!

Лечу я над городом. Серость и скука. Тиррак! Ни птиц, ни зверей. Качала стоят и молчат, а меж ними двуножки рядами передвигаются. Ещё с тарахтелками: туда-сюда, туда-сюда. Тра-акак-атак! Никакой тут блестяшки не сыщешь: одни банки-склянки, да железяки, да битый кирпич. Лечу обратно – над полем, лесом, болотами и рекой. Подо мной то и дело грохочут стучалки: тар-рак-та-так! тар-рак-та-так! тар-рак-та-так! Из города в город и дальше – к Большому Огнищу. Одна девушка, другая. Двуножки живут на земле. Там их гнёзда – такие нескладные. Сажусь на забор. Три-и-ки-так! Вокруг никого. Овца звенит колокольчиком. Двуножки зарылись в траву. Остальные в домах – слушают ветер. Летят по ветру крики – то сильней, то слабей. Сполохи в чёрном столбе.

Гляжу: Чумазый. Три-ки-так! Рядом сел. На перьях солома, хвост обтёрхан. Неряха. Ти-ррак! Как делишки, сестрица? Никак, пропитание ищешь? Трик-трик! Отощала. Тирр-и-таки-так! Собралась до Огнища. Трак-тик-тирра-рак! Не летай, худо будет. Тир-рик! Вон пошёл. Нам, сорокам, сам чёрт не указ.

Лавирую дальше. Стучалки стучат, тарахтелки пыхтят. В глазах – серая муть. Где-чего? Облетаю Огнище. Пламя столбом. Не понять ничего. Сажусь на забор. Тир-ри-рик! Не забор, а кусты. Вон – стучалка. Стоит неподвижно. Повсюду двуножки. Одни ходят быстро, покрикивают. Schneller! Schneller! Другие – медленные. Жмутся друг к дружке. Глаза большие, как у коров.

Тр-рак-итак! Двуножки странные. То стоят, то бегут. Скалятся, как собаки. Вода из глаз – ручьями течёт. Меняют кожи из мёртвой травы. Три-ик! Одни – чёрные, громкие. Таррак! Другие тихие, всякие разные. Маленькие, большие. Чёрный орёт: Sachen auf den Boden! Los! Los! Эти бегут, все за ними. Тар-р-тирра-рак! Что за дела?

Сижу гляжу. Трик-тр-рик! Стучалки стоят. Возле них – никого. Тра-ка-так! Вон двуножки какие-то. Чахлые. Трак! Закопались в чу-

жом барахле. Так и зыркают: взад-вперёд. Трик! Не найду ничего. Лечу дальше. Села на провод. Качалка-жужжалка. Трик-гр-рик! Тихих гонят в кусты-железяки. Выбегают. Там чёрный кричит: Achtung! Kleidung ausziehen! Wäsche – getrennt! Schuhe – getrennt! Seife – nehmen! Juwelen – übergeben! Schneller! Schneller! Вижу дупло. Три-кр-рик-атак! Внутри – серый скалился. Блестяшки берёт – повсюду сует. Жмот.

Вон двуножка. Белая, как снег. Сверкнуло в руке. Была ни была. Пикирую. Тррр-ак! Хватаю-лечу. Из дупла зырит. Fang! Fang! Серые ошалели. За мной бегут. Стрекоталки трещат без умолку: трра-ки-таки-таки-таки-так! трра-ки-таки-таки-таки-так! Лечу над стучалками. Фу, еле ноги унесла. Назад не гляжу. Страшно.

Дальше-дальше. Тирри-рак! Чуть не задохнулась. Дыму-то, ужас! Таррак! Вонь человечья – самая-самая. Трак! Полетела до лесу, через поле и реку. Красный шар медленно ползёт по мутному небу, уходит в землю. Вижу Старую рощу, где Сорочьего Царя дом. Дуб с ветвями громадными, трик! Повсюду мои собратья. Мол, объявилась. То да сё. Чё забыла? Тиррак! Иди отсюда. Трракатак! Я им в ответ: а вот ЭТО видали? Тра-ак-така-так! И показываю блестяшку. Меня сразу в хоромы. Большие такие, круглые, на самой верхушке. Внутри – не видать ничего. Пригляделась: на камне Сорочий Царь сидит, венец плетёный на голове. Глаза у него сверкнули. Перья – узористые, длинные – зашевелились. Ты, говорит, что наделала? Тирри-рик!

Тарри-рак! Я говорю: вот. Вам от меня лично. Старалась. Тра-ак! Ты, говорит, страх потеряла, что ли? Отвечаю: да нет, вашество. В чём виновата? Он мне: летала ты в место проклятое. Вещь твоя нехорошая, хотя красивая страшно. Тир-рик! Камни светятся разноцветные, переливаются. Шуршат на змеистой ниточке – так чудесно. Три-ки-так! Это, говорит, зло беспредельное. Стон по земле идёт, небо трещит. Верни, где взяла. Тра-а-как-а-так! Я говорю: как так? Тир-ра-рак! Думаю: не возьмут меня в племя сорочье. Видно, умом не вышла.

Смотрит на меня Царь в темноте пристально и словно мысли мои читает. Дура ты, говорит. Тир-ра-рак! До Большого Огнища летала – тир-рак! – да главного и не разглядела. – Чего не разглядела? – Изошёл, говорит, воздух тоскою смертной. Звёзды кривятся. Далеко нас отсюда видно. – Тир-ра-ра-рак! – Чего, говорю? – Тиррак! – Кому видно? – Дали небесной. – Поняла. – Ничего ты не поняла. Трака-так! Снился мне нынче сон: земля говорит со мной. Худо мне. Помираю. Дети мои детьми же моими накормили меня. Тра-ки-так! Осквернили меня, облезнили – всё живущее-цветущее-плодоносящее, таррак! – до скончания времён.

Сказал мне Сорочий Царь, чтоб летела обратно – воротила бле-

стяжку хозяевам. Мол, жизнь в ней бьётся чужая. Леденит ему душу ветрами нездешними. Тра-ка-так! Не возьму я такую. Говорит, кто Огнище развёл – будет племя пропащее, будет жить оно смертью, покуда не сгинет. Изгадило племя людей себе прошлое-будущее... Ты ещё тут, негодная? Тра-ак!

Вот попала. Лечу я обратно. Тир-рак! Залетаю в гнездо. Положила блестяшку. Таррак! Не могу наглядеться. Такая отрада. Слева – ручка железная ржавая. Справа – гвоздики, вилка погнутая. Ещё пуговицы медные, фантик и грошик... Никакого сравнения. Тррак! Чтобы МНЕ – да такое отдать? Никогда. Лучше с голода пухнуть!

Чую, всё содрогнулось. Тир-ри-ри-таки-так! Зашумело качало. Гнездо моё ходуном заходило. Вот-вот упадёт. Веточки захрустели, блестяшки мои забренчали. Трак-трак! Обнаглела ты, птица – слышу голос густой, нутряной. Без того племя ваше меня обсидело. А теперь уж мне вовсе невмочь. – Чего? говорю (испугалась совсем). – Напоила меня мать-земля человеческой кровью – отравой лютой, напитал меня страх человеческий – всему миру чужой. Тир-ри-рак! Корни мои день и ночь гной сосут. Напиталось досыта тьмой. Не греми побрякушками, мол. Дай поспать. А особенно той, что всё время звенит и блестит аки смерть. Тир-ри-рик! Во дела.

Много вас тут – живья бегучего-ползучего-летучего. Тирри-рик! Земли-черногнойки дети – тирри-таки-так! – проклятые. – Ой-ой-ой, говорю. Тарррарак! Не хватало ещё мне без крова остаться. Тиррак! Отчего же проклятые? Трак? Вот я разве проклятая? Отвечает: ты тоже. – Почему? – Потому, говорит, что тупая ты птица. Зла в гнездо натаскала. Та-ак-тарра-тика-так!

Да идите вы все! Тирра-рик-тарри-так! Полетела к Огнищу. Вижу: всё полыхает. Всюду пепел, да крики, да лай собачий. Стрекоталки трещат. Чёрные ходят у молчальни огромной. Белых рядами поставили, гонят туда. Дітки, дітки, буде вам банька! Села тихонько на ёлку. Белые внизу. Серые с чёрными сзади и спереди: Schneller! Schneller! Белые трясутся. Одна грязь вокруг. Тирри-ри-таррак! Маленькая меня заметила, тычет пальцем: Мама, сорока! Тра-ак! Всё, пропала. Тиррик! Пронесло – не увидели.

Клюв открыла. Блестяшка упала. Трик-трик! Подбирает, маме несёт. Мама берёт, на ногах не стоит. Молчальни двери открылись. Всех туда гонят. Тррак-таррак, тррак-таррак, тррак-таррак! – гуделка гудит, как припадочная. Тирра-рик! Светилки повсюду – зажглись и таращатся.

Двери захлопываются. Чёрные смеются.

Тр-рак!